Текст · 24 ноября 2025, 09:50
Алла Константинова, Елена Дымова,

«Пыточную они специально держали открытой, чтобы мы слышали крики». Как у девяти херсонцев выбивали признания в терроризме

В Южном окружном военном суде в Ростове-на-Дону второй год тянется процесс по делу «херсонской девятки». Подсудимым — все они жители Херсона — вменяют участие в террористическом сообществе-[1] и покушение на акт международного терроризма,-[2] а четверым из них еще и приготовление[3] к нему. Обвинительное заключение занимает почти 500 страниц.

По версии следствия, весной и летом 2022 года девятеро украинцев по заданию СБУ планировали серию терактов в оккупированной части Херсонской области, в том числе убийства замглавы пророссийской администрации Кирилла Стремоусова[4] и других чиновников-коллаборационистов.

52-летний Олег Богданов, 44-летний Сергей Гейдт, 51-летний Сергей Кабаков, 42-летний Юрий Каев, 35-летний Сергей Ковальский, 37-летний Денис Лялька, 49-летний Сергей Офицеров, 61-летний Константин Резник и 45-летний Юрий Тавожнянский лишены свободы уже больше трех лет. Российские силовики похитили херсонцев летом 2022 года: до официального задержания в октябре их два месяца пытали в подвале

бывшего управления Нацполиции в Херсоне, выбивая признательные показания.

«Медиазона» публикует фрагменты из показаний предпринимателя и волонтера «Красного Креста» Юрия Каева, который в первый год войны доставлял на оккупированные территории гуманитарную помощь и вывозил оттуда беженцев. 19 июня этот документ огласили в суде, Каев подтвердил все сказанное.

---

1. Часть 2 статьи 205.4 УК.
2. Часть 1 статьи 361 с применением части 3 статьи 30 УК.
3. Часть 1 статьи 361 с применением части 1 статьи 30 УК.
4. Стремоусов погиб 9 ноября 2022 года. По официальной версии, в ДТП.

---

5 августа 2022 года в 20 часов я был задержан в селе Скельки Васильевского района Запорожской области, когда мы с сотрудниками «Красного Креста» остановились на ночлег.

Приехали два человека в военной форме без опознавательных знаков, вооруженные автоматом. На автомобиле «Рено Дастер» белого цвета, номера украинские, их я не помню.

Не представились и после проверки документов сказали мне собрать свои вещи и сесть в мой автомобиль «Мерседес Бенц» белого цвета 2008 года выпуска. А Олегу Акимченко — моему руководителю от «Красного Креста» — сказали [сесть] в их «Рено Дастер», и что они повезут нас на яму.

Рядом со мной сел человек с автоматом. Сказал ехать за «Рено Дастер». Так нас доставили в ПГТ-

[1] Васильевка Запорожской области, в здание СИЗО.

У нас сразу же забрали телефоны, личные вещи и начали обыск в моем автомобиле, в котором на тот момент находились вещи людей, которые покинули оккупированную часть Украины — мы доставляли их на подконтрольную Украине территорию. Также в машине было медицинское оборудование: как мне известно, для проведения операций путем эндоскопии. В кошельке у меня было 11 тысяч гривен, 200 долларов, три тысячи евро и банковские карты. В красном тканевом рюкзаке за сиденьем было 70 тысяч гривен. Все это они изъяли — никаких документов об изъятии не составляли, мне на подпись не давали.

После досмотра нас отвезли в разные камеры в подвальном помещении СИЗО. Покормили ужином, оставили до утра. Утром нас вывезли из СИЗО, надели на головы полиэтиленовые пакеты, обмотали скотчем, а руки сзади стянули стяжками.

Нас посадили в кузов моего автомобиля — по разговорам я понял, что нас везут в Мелитополь. Когда нас привезли, вывели из машины в административное здание, где было много военных, которых я определил по обуви. Завели в большую комнату, примерно три на четыре метра. Поставили лицом к стене и сказали ждать. Через 10 минут ворвались двое с криком: «Что вы натворили?» и начали бить палками по ногам, ягодицам, плечам, спине, били головой об стену. Это продолжалось недолго, по ощущениям, минут пять.

Потом зашли еще люди, которые сказали, что мы едем с ними назад в Херсон и у нас есть время подумать, что им рассказать. Нас посадили в багажник автомобиля,

напоминавшего пассажирскую «Газель», и повезли в сторону Херсона.

Я периодически пытался стянуть пакет с головы и подглядывать, куда нас везут. Через заднее стекло я видел, что моя машина с двумя военными едет за нами. Так мы ехали три-четыре часа. Во время пути военные посматривали на нас через заднее сиденье и били тыльной стороной ладони по голове — при этом ржали, заставляли прижиматься к пластиковым канистрам с бензином и интенсивно нюхать, «чтобы им меньше воняло».

Привезли нас в Порт-Элеватор, который находится в Херсоне на набережной, в самом конце улицы Ушакова[2]. Там оставили мой автомобиль, и двое пересели к нам в автомобиль. Мы поехали вверх по улице Ушакова — там свернули вправо, на улицу Кирова[3], и заехали во двор управления МВД Украины-[4] по Херсонской области. Мой автомобиль я больше не видел, семье его тоже не вернули.

Вывели из автомобиля и повели в подвал: сразу при входе слева была открыта дверь, меня завели в небольшую комнату размером примерно два на четыре. На полу по всему периметру лежали деревянные поддоны, в центре стоял стул, слева письменный стол, а в переходе справа несколько стульев. Меня посадили в центре, руки были связаны сзади, их дополнительно чем-то привязали к стулу. На палец руки надели металлический фиксатор. В комнату зашли четыре-пять человек и начали допрашивать — кричать то по одному, то все вместе,

дотрагивались до моей головы металлическим предметом и подавали напряжение.

Иллюстрация: Danny Berkovskii / Медиазона

В такие моменты я не мог ни пошевелиться, ни сказать. Испытывал сильную боль в мышцах. Они задавали вопросы: где схроны с оружием, где взрывчатка, где сотрудники СБУ, территориальной обороны, ветераны АТО, охотники, кто не поддерживает специальную военную операцию, кто ходит на украинские митинги? При этом в чем меня обвиняют, мне не сообщили.

На соседнем участке я спрятал четыре пистолета, которые мне оставили сотрудники СБУ, которые уходили из города — я пообещал показать им это место.

Допрос в пыточной продолжался минут 30. Потом они меня вывели из подвала, посадили в салон автомобиля на заднее сиденье, по бокам сели люди с автоматами. Мы поехали к тому месту, где я спрятал пистолеты — поселок Геологов, улица Селянская. Когда мы заехали в поселок, они мне сказали снять пакет с головы и показывать дорогу. Приехав на место, я выкопал четыре пистолета и отдал им.

Их было четыре человека без балаклав. У одного был позывной Грек. Когда мы сели в автомобиль, я узнал по голосу того, кто был за рулем — он же меня ранее забирал из Мелитополя. И он всегда потом участвовал

в допросах и пытках. Я думаю, это был следователь, его все звали Хмурый.

Один спросил меня по дороге, за что мы так поддерживаем украинскую власть. Я сказал, что из патриотических чувств, что по-другому бы я не поступил. После этих слов тот, что сидел справа — его позывной Тайсон — стал бить меня по лицу и голове кулаками с криком, что научит меня родину любить.

Хмурый, который сидел за рулем, повернулся ко мне и сказал: «Знаешь, почему его называют Тайсоном? Потому что когда он служил в Сирии, отгрызал пленным уши — он вагнеровец».

Мне надели пакет на голову и отвезли опять в подвал. Спускаясь по ступенькам, мы прошли пыточную — следующий проем слева. В двух метрах от пыточной была при входе решетка, которую они запирали на ночь, а днем к ней периодически был кто-то прикован наручниками. Мы спустились по ступенькам — и там был длинный сырой коридор с плохим освещением. Справа были камеры, восемь-девять комнат. В каждой в разное время содержались от трех до пяти человек. В самом конце коридора были две большие камеры, там человек было больше.

Двери в казематы были старые, деревянные, обшитые металлом, без замков. Подпирались снаружи куском трубы. В двери было отверстие смотровое и люк для кормления. Меня завели в камеру — слева вдоль коридора тоже были казематы, но двери были выбиты, и там были кучи мусора: пустые бутылки, упаковки от еды, банки из-под тушенки, которой нас

иногда кормили. Это все издавало отвратительный сильный запах гнили.

Когда меня завели в камеру, то развязали руки и сняли пакет с головы. Закрыли за мной дверь. Размер комнаты был примерно два на пять, без окон — с очень плохим освещением, которое горело круглосуточно, но периодически во время обстрела пропадало, и мы оказывались в непроглядной тьме.

В дальней стороне комнаты был деревянный лежак, на котором валялось несколько курток с надписью *«Поліція»*. В них заворачивались и спали.

Когда меня завели в камеру, я увидел, что кто-то на них лежит и не реагирует на мой приход. Я потрогал его за ногу, чтобы убедиться, живой он или нет. Тогда он повернулся — и я узнал своего сотрудника Крайних Александра. Он был сильно избит, сломаны несколько ребер, большая гематома на всю грудь и живот. Он рассказал, что находится тут уже несколько дней. Что его и Черука Александра — это мой водитель-экспедитор — забрали вооруженные люди, которые ворвались ко мне в магазин, когда они делали переучет товара. Забрали денежные средства из сейфа в размере 190 тысяч гривен, привезли их с пакетами на голове в пыточную, допрашивали, а потом кинули в подвал.

Позже выяснилось, что их избивали и пытали те же люди, что допрашивали и меня. Где-то через час мы услышали крики, и я узнал по голосу своего товарища: Ляльку Дениса[5], который являлся военнослужащим ВСУ. С их слов, они его давно искали. Избивали и пытали его около часа, а потом пристегнули к

решетке, перед этим били палками по стопам и коленям. Он просил, чтобы его отпустили, что ему плохо и больно. Так он простоял пару часов, пока не потерял сознание. Двери нашей камеры находились где-то в пяти-шести метрах от решетки, и мы это все слышали. Там вообще очень хорошая слышимость была: мы всегда слышали, как кого-то пытают, что спрашивают и о чем военные просто разговаривают на улице и на этаже над нами, а пыточную они специально держали открытой, чтобы мы слышали крики.

Ляльку отцепили и оттащили в камеру через одну от нашей, пятую по счету. Там он следующие два месяца и просидел с Резником Костей и Кабаковым Сергеем-[6]. Последние находились там уже продолжительное время, наверное, один месяц.

Сами пытки длились неделю: нас водили по очереди, бывало, два раза в день. Пытали током, цепляли провода за гениталии, били ногами, палками по спине, по рукам, стопам, обливали водой, закрывали рот и лицо полотенцем и лили воду. Делали «обезьянку», как они это называли: руки связывали, когда ты обхватываешь колени, через изгибы ног просовывали палку, а по краям этой палки ставили стулья — получается, что ты висишь на этой палке, а она давит тебе на мышцы и сухожилия.

Особой жестокостью отличался один из тех, кто нас допрашивал, самый молодой: лет 27-30, маленького роста, худой, с темной бородкой и карими глазами. Позывной Орел. Он картавил, никогда не прятал лицо. Регулярно заходил к нам показать какую-то пропагандистскую информацию.

Он любил снимать наши допросы на телефон, также заставлял учить гимн России. Когда заходил к нам в подвал, включал на телефоне низкопробную запись, музыкальное произведение под названием «Ебать нацистов», прославляющее подвиги «ЧВК Вагнера» и призывающее к вступлению в их ряды.

Он также был ответственен за кормление трех камер. Кормил макаронами с тушенкой, иногда давал галеты вместо хлеба, хлеба за все это время мы не видели.

Кормил когда один раз в два дня, когда — один раз в три дня. Несколько раз выпадало счастье, когда его не было — мы просили других военных, и они нам приносили еду и удивлялись, что над нами так издеваются, но это были единичные случаи. За два месяца я похудел на 25 кг.

Каждое утро приходил военный с позывным Ворон. По нашей просьбе разрешал нам набрать бутылки, вылить мочу и сходить в туалет по-большому. Ворон очень любил рок-музыку, постоянно ее включал и всегда был в балаклаве.

Кран [с водой] находился посередине коридора, за шестой камерой. Там же находилась большая решетка, к которой тоже кого-то цепляли

наручниками на пять-семь суток постоянно с шапкой *«Поліція»* — у нас у всех были такие шапки. Она, когда полностью разворачивается, доставала до подбородка и закрывала полностью лицо. Тех людей, которые были прицеплены к решетке, били все военные, кто проходил мимо. Кого-то привозили из пленных, каждый день три-пять человек. Кого-то забирали в неизвестном направлении.

Были дни, когда Ворона не было, и тогда нам приходилось еще на сутки растягивать воду и терпеть, потому что в туалет нас не выводили, или ходить по-большому в обрезанную пятилитровую бутылку.

Когда к нам через пару дней после меня подселили Сергея Офицерова[7] (он с нами остался до самого приезда в «Лефортово»), он рассказал, что просидел «на решетке» (был прикован к решетке) пять суток и не спал, его тоже пытали и избивали. На стенах камеры мы оставили свои фамилии и даты, когда попали туда, а ребята из соседней камеры записывали все фамилии, кого за это все время привозили и пытали.

Там были и молодые девушки, и женщины, пытали всех без исключения. Последние две недели — в начале октября 2022 года — с нами в подвале в камере №7 удерживали мальчика 11 лет за то, что он якобы сбрасывал координаты СБУ. Он постоянно плакал по ночам и просился к маме. Он разговаривал, в отличие от нас, на украинском языке, из чего мы сделали вывод, что он откуда-то из сельской местности. Дальнейшей судьбы его не знаю, его увезли где-то за сутки до нашего отъезда в Симферополь.

За это все время пребывания в подвале при нас туда привозили журналистов, священников, руководителя «Правого сектора» в Херсоне, профессора истории, активистов, блогеров, начальника МЧС города Олешки, прокурора и бывшего главу администрации Горностаевки Олега Ипатова — он с нами провел трое суток в камере где-то в середине сентября.

В конце августа нас всех по очереди водили на полиграф. Там в спокойной обстановке пообщались с психологом, который лицо не прятал и осуждал те методы, которые к нам предъявляли, и предлагал психологическую помощь. Я принял к сведению, но ей не воспользовался, так как за дверью стоял Картавый (Орел) и слушал.

После психолога меня на следующий день повезли домой делать обыск. Разрешили поесть: нашел в морозилке горсть вареников, которые дочка мне оставила, и поел. Все это время возле меня сидел мужчина славянской внешности 50 лет, с бородой и автоматом. Остальные — позывные Лис и Якут — делали обыск. Во дворе у меня стоял автомобиль моего тестя «Ниссан Икс-Трейл» 2010 года выпуска.

Военные нашли ключи от него у меня в комоде и на нем поехали обратно на улицу Кирова в подвал. Пока они его заводили, я вышел во двор, чтобы обратить на себя внимание соседей — и чтобы они увидели, что у меня черная от гематом спина, и что я вообще жив. И это получилось — они меня увидели и все поняли.

Еще велели взять какую-нибудь одежду. Как они сказали, «будешь в ней у нас на Колыме лес валить». Военные сказали, что взяли машину тестя «покататься». Нам они ее больше не вернули. Я видел, как на ней ездил военный по кличке Якут. Никаких документов об изъятии моих вещей они не составляли, на подпись не давали.

В 20-х числах августа 2022 года меня впервые вывели в душевую: выдали станок для бритья и мыло и велели привести себя в порядок. После этого выдали футболку и шорты, которые я взял из дома. Меня посадили в микроавтобус и повезли на улицу Некрасова. Там мне дали мою черную сумку — там был мой паспорт, телефон и удостоверение «Красного Креста», а кошелька и водительских прав не было. После этого велели идти по тротуару, а они будут имитировать мое задержание. И велели, чтобы, когда они на меня набросятся, чтобы я падал так, чтобы я не повредил себе лицо, потому что они будут меня снимать. Так они меня якобы задержали. Все получилось с первого дубля.

Числа с 20-го сентября 2022 года настроение у военных РФ было паническое[8], и его срывали на нас.

Говорили, что мы им как свидетели не нужны, и что с собой нас не заберут. Выводили по одному в пыточную — и стреляли в потолок, а остальные в

это время ждали своей очереди «на расстрел», стоя лицом к стене. И так заходили за каждым. Еще требовали каждого подходить к окошку для еды в двери камеры и подставить голову. Они просовывали снаружи револьвер и играли с нами, как они говорили, в русскую рулетку — стреляли в голову и, когда была «осечка», говорили, что нам повезло.

По ночам в подвал спускались молодые военные лет 19-20, их было от двух до четырех человек. У одного был позывной Север. Очень пьяные, бегали по коридору, будили нас, через двери кричали нам: «Слава Украине...». А мы должны были отвечать: «...в составе Российской Федерации!». Избивали тех, кто висел на решетке, выборочно кого-то выводили из камер, избивали, издевались, задавали исторические вопросы, которые касались в основном Второй мировой войны и наших патриотических чувств к «государству, которого нет» — так они называли Украину. Наши познания в истории отличались от их познаний, и это не могло их не расстраивать. Все это они делали под произведение «Вставай, страна огромная».

Основной заводила этих импровизированных пыток с элементами перекрученных исторических фактов был парень лет 20, низкого роста — 165-170 см, позывной Север.

В последние дни сентября военные начали собирать вещи и куда-то вывозить. Нас начали по очереди водить в комнату на втором этаже административного здания, где находилось разное оружие — нас заставляли брать его в руки и оставлять

отпечатки. Мне дали вещество серого цвета, похожее на пластилин.

Где-то числа 2-3 октября нас по очереди выводили в коридор, показывали, где поставить подпись на листах бумаги. Сам текст при этом был закрыт чистым листом. Я не знаю, что я подписал. В чем меня обвиняют, мне не сообщили.

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. Поселок городского типа.
2. Имеется в виду проспект Ушакова.
3. Улице возвращено историческое название — Лютеранская. Каев использует ее советское название.
4. На самом деле на Лютеранской располагалось другое учреждение — главное управление Национальной полиции в Херсонской области.
5. Бывший военнослужащий Денис Лялька — еще один фигурант дела «херсонской девятки».
6. Предприниматель Константин Резник и его коллега Сергей Кабаков — тоже фигуранты дела «херсонской девятки».
7. Проживший около 15 лет на Камчатке и имевший российский паспорт Сергей Офицеров, по мнению следствия, тоже входил в херсонское «террористическое сообщество».
8. Очевидно, из-за наступления ВСУ, которое в ноябре 2022 года привело к освобождению Херсона. Левобережная часть Херсонской области по-прежнему оккупирована российскими войсками.